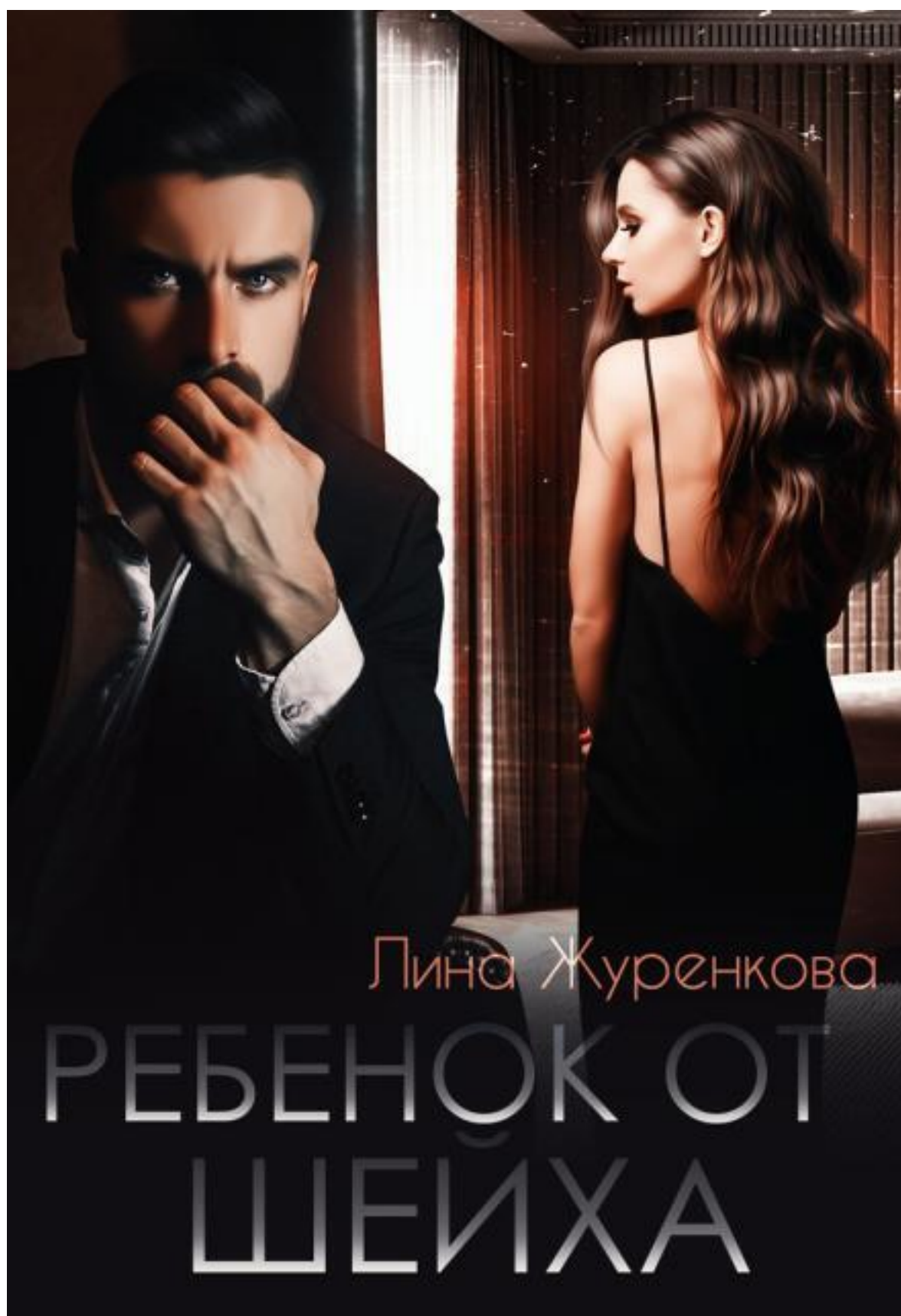

Лина Журенкова

РЕБЕНОК ОТ ШЕЙХА

Лина Леманн

Ребёнок от Шейха

«Литнет»

2021

Леманн Л.

Ребёнок от Шейха / Л. Леманн — «Литнет», 2021

Вместо тысячи ночей у нас была только одна. Вместо жаркого Востока — душный номер в России. Вместо одной полоски на тесте я увидела две. И Шейх никогда не узнает, что у него будет сын. История Ромы — следующая книга цикла «Сын шейха. Заберу тебя в дар»; #Сын #Встреча через время #Очень эмоционально. ♪ Шура Кузнецова - Молчи и обнимай меня крепче

© Леманн Л., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	33
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

— Эй, дорогуша, не стой! — слышу сбоку и резко отпрыгиваю в сторону, когда мимо проносится фурия в деловом костюме и гладко зачесанными волосами.

— Детка, тебе куда? — спрашивает парень-официант с модной стрижкой, увидев мое замешательство. — Впервые здесь?

Я лишь киваю.

— Так куда тебе? — повторяет он вопрос, подходя ближе и окутывая меня слишком агрессивным одеколоном.

— К Светлана Ивановне, — почему-то мямлю я, глядя на очаровательную улыбку парня. Он красавчик и явно об этом знает.

Меня провожают до кабинета с большой белой дверью. А за ней меня ждет мама Стаса — она работает в этом отеле замом хаускипер менеджера.

— Ты прости, что не встретила, здесь не любят, когда по телефону болтают, — шепотом говорит она мне, подталкивая к тощей женщине со строгим взглядом.

Дальше меня мучили с полчаса, спрашивая всякие подробности о работе горничной, в которые меня заранее просветила мать Стаса. В итоге, мою кандидатуру одобрили, нарядили в форму, состоящую из строгого черного платья выше колена и белого фартука, снабдили всякими чистящими средствами и отправили с другой горничной по имени Жанна драть первый номер. Им оказывается просто обалденной красоты люкс.

— На тебе туалеты, белье вместе перестилаем, — командует она, когда мы закрываем дверь и остаемся одни. К моему облегчению, местный житель — человек приличный, поэтому с уборкой справляемся быстро, а я даже успеваю насладиться роскошью номера и украдкой посидеть на отороченном бархатом диванчике. Вот это да!

Жанна подходит к комоду и довольно улыбается, забирая с тумбочки пятитысячную купюру. У меня аж глаза округляются. Ого, да так я быстро с кредитом расстанусь!

— Ан, нет, это мое, — обрывает мои радостные мысли Жанна. — Я этот номер уже второй день вылизываю.

Ладно, не буду в первый день спорить, да и некогда: в двери пиликает ключ-карта, и она распаивается, впуская высокого мужчину в дорожном костюме-тройке. Да что ж тут все такие красивые-то?

— О, извините, мы как раз закончили, — лепечет Жанна, стирая с лица довольную улыбку и запихивая купюру в задний карман. — Пошли, — шипит мне.

— Конечно, — коротко кивает мужчина, рассматривая с интересом.

Я иду вперед, выкатывая тележку. Жанна идет следом, но как будто тормозит.

— Простите, дамы, — окликает нас вдруг мужчина, и девушка с радостью оборачивается. — Одна из вас не могла бы остаться? У меня есть особые распоряжения на завтра.

— Разумеется! — слишком эмоционально отвечает Жанна, потирая ладони. А еще у нее щеки полыхают, и глаза блестят нездорово.

Я лишь хмыкаю, когда она проходит мимо и осторожно прикрывает за собой дверь.

К вечеру я так устаю, что готова уснуть прямо на месте. А номера все не кончались. В очередном люксе я почти закончила убираться, когда дверь вдруг открывается, заставляя меня подпрыгнуть на месте.

— О, привет! — В проходе появляется тот самый парень-красавчик. — Как раз ищу тебя!

— Да? Зачем?

Он подходит совсем близко, от чего сердце невольно начинает биться быстрее. Более того, я четко слышу флер алкоголя. Удивленно выгибаю бровь:

— Ты что, пьян?

— Если только самую малость, — якобы ослепительно улыбаясь, тянет он. — Тобой, — добавляет слащаво.

— Ой, перестань...

Только я не успеваю закончить мысль, когда его сухие губы впиваются в мою, а слюнявый язык пытается проникнуть в мой рот. Недовольно мычу, пытаюсь оттолкнуть парня, имя которого я даже не знаю, но он лишь заводит мои руки за голову и прижимается плотнее. Фу, какая мерзость!

Эй, стой, куда ты тянешь свои мерзкие ручонки?! Не надо класть свои лапы мне на живот!

— О-о-о, вот это шоу, — произносит по-английски бархатный голос с иронией.

Официант ошарашенно дергается в сторону, давая мне наконец-то возможность вздохнуть. На кресле напротив сидит высокий мужчина с курчавыми черными волосами и смуглой кожей. Рукава белой рубашки закатаны, оголяя красивые руки. Длинные аристократичные пальцы поглаживают подбородок с однодневной щетиной.

— Не отвлекайтесь на меня, — саркастично говорит он, впитывая смущение на наших лицах. Мне так стыдно, что я даже шагу сделать не могу. — Девочка, только в обморок не упади.

— Простите, шейх, — хрипит официант, а я теряю дар речи. Мать моя женщина, это правда?!

Смотрю на холодное прекрасное лицо шейха, потом на испуганное моего ухажера, потом снова на шейха. На шейха, мать вашу! И в глазах реально темнеет...

Вынырываю из обморока, как будто меня облили холодной водой. Но нет. Я чувствую как раз таки очень горячие прикосновения на моих щеках. Распахиваю глаза. Сверху люстра, под спиной удобная кровать. А рядом что-то твердое и теплое. Медленно поворачиваю голову и встречаюсь с черными, как бездна, глазами шейха, который, даже заметив мое возвращение, продолжает гладить меня по щеке.

— Только не говори, что вновь собираешься упасть в обморок? — слышу тягучий, как нуга, низкий голос.

— Кажется, нет, — лепечу на русском, но шейх лишь удивленно выгибает бровь. Не успевает его рот расплыться в еще большей улыбке, как я тут же поправляюсь и произношу то же самое на английском. — Вы не могли бы убрать свои пальцы?

Шейх лишь хмыкнул, а его аристократичные конечности продолжили путь с моей щеки на шею, и обратно, вызывая во мне сногшибающее цунами из мурашек. Прикосновения Стаса, моего друга, не такие, прикосновение папы не такие. Прикосновения любого другого человека НЕ ТАКИЕ.

Нервно сглатываю и пытаюсь отстраниться. Шейх молча наблюдает за моими неловкими попытками подняться и при этом не упасть.

— Ты уже уходишь? — небрежно бросает он мне в спину. — Уверена, что не хочешь продолжить?

— Уверена! — гордо вскинув подбородок, твержу я, а потом мысленно хлопаю себя по лбу. Глупая, это ж шейх тут какой-то лежит. Захочет и утащит в свою страну арабскую, и никто, даже папа-полицейский, тебя потом не найдет.

— Хорошо, иди, — равнодушно отзывается он, утыкаясь в газету. И я чуть не осталась стоять на пороге: это же так красиво, когда мужчина читает не с телефона, а вот так, газету. Это так аристократично!

Впрочем, выскальзываю из номера, прикладываю горячие ладони к полыхающим щекам. Ну и дела!

Следующие два дня, помимо универа и дома, где все допытывались, как проходят мои смены, я отчаянно бегаю от того приставучего официанта по имени Эдуард и... шейха. Где бы я ни находилась, он как будто невзначай проходил мимо, разве что в подсобке от него можно спрятаться. Но оттуда меня, как плеткой, выкуривал Эдик своей навязчивостью и желанием к чему-нибудь прижать.

— В президентский люкс вызывают горничную! — говорит мне Светлана Ивановна, убирая мобильный в карман. — Так что, Вероника, быстро туда!

— Но мой рабочий день уже закончился... — нервно говорю я.

— Тебе нужна эта работа? — безапелляционно отрезает женщина, и я, натягивая обратно фартук, собираюсь необходимый инвентарь.

В люкс иду, как на эшафот. Я и без того не люблю драить туалеты, а заниматься этим в присутствии гостя так вообще ужасно. Но все бы ничего. Я знаю, ЧЕЙ это номер. И оттого становится еще более нервно. Я то и дело тереблю краешек платья. Блин, надо было прическу подправить! А то коса расплелась, пока я туда-сюда фартук дергаю. Но уже поздно. Нельзя, чтобы ТАКИЕ личности ждали.

Стучу так тихо, что сама едва различаю звук, и уже заносу руку, чтобы ударить сильнее, когда изнутри доносится: «Входите!». Осторожно открываю дверь, как будто охотник, подстерегающий добычу. Но только я совсем не охотник. Скорее, та самая добыча.

Шейх сидит в кресле, повернутый к окну с великолепным видом на центр Петербурга. В его руке большой бокал с красной жидкостью.

— Проходи, что замерла? — говорит он, и я, прекратив сжимать тряпку, кладу ее на тележку со всякими средствами для уборки. Медленно делаю несколько шагов вперед. Так, он пока со мной разговаривает и не пытается увести в какие-нибудь неизвестные мне дали. Точнее, вполне известные, но дали.

Встаю перед ним. Почему так стыдно? Мне не было так стыдно с тех пор, как я первый и последний раз учебу прогуляла.

— Садись, — властно приказывает шейх. Я глупо смотрю на его расслабленную позу, переваривая его слова. Как там в его мире принято? Чтоб женщины перед ним на коленях сидели? Или что?

— На пол? — на всякий случай уточняю я, набравшись смелости. Шейх смотрит на меня... и начинает откровенно смеяться.

— На стул, дуручка, — он кивает на стоящий рядом обитый бархатом высокий барный стул. Фу-у-ух!

Я с грацией цапли сажусь на него, тем самым находясь от шейха справа и глядя в огромное окно, открывающее вид на огни ночного города. Внизу мельтешат люди, сверкают полированные корпуса машин. Так красиво. Ты вроде все видишь, но находишься как будто выше всех.

— Нравится? — будто прочитав мои мысли, спрашивает шейх.

— Есть в этом что-то, — замороженно отвечаю.

— У тебя есть машина?

— Угу...

— Ты приехала на ней?

— Угу...

— Отлично! — Шейх так бодро встает, что я чуть не падаю со стула от удивления. — Поехали, прокатай меня по своему городу.

— В смысле?! Э-э-э... То есть? Ой, простите... — Мысли в голове танцуют страстное фламенко, виртуозно выполняя сложные па. От разных вариантов развития событий сердце падает куда-то, потом снова подпрыгивает и снова падает.

— Слушай, — шейх встает передо мной, и наши глаза становятся практически на одном уровне. — Я целыми днями работаю, встречаюсь с различными людьми. — Вблизи, пусть даже в полумраке, я могу рассмотреть его лицо. И теперь, когда на нем расцвела вдохновенная улыбка, шейх кажется моложе. То есть сначала мне показалось, что ему лет тридцать пять, а сейчас... я б дала ему лет двадцать семь. — Я тебя не трону, если ты устроишь мне экскурсию по ночному городу.

— Э-э-э...

— Иди переоденься и возвращайся. Нужно будет проскользнуть мимо охраны, чтобы они следом не увязались. — С этими словами шейх стягивает меня со стула, тащит к двери и бодро выталкивает, кинув на прощанье: — Чтоб через десять минут была тут.

Я на негнущихся ногах с трудом доползаю до подсобки, но, осознав происходящее, тут же быстренько переодеваюсь. Вот что я говорила? Точно украсть надумал, варвар! Хотя теперь вроде нет. Мать моя женщина!

Пока еду обратно в люфте, быстренько набираю в Гугле о самых молодых шейхах. Первым вылезает фотография моего знакомого. Джафар бен Алим Аль Рабах, шейх восьмого эмирата, входящего в ОАЭ. Занимает пост эмира полгода после неожиданной смерти своего отца. Достойный преемник уже сделал много чего хорошего для своих подданных.

И этот человек хочет гулять со мной по вечернему Питеру?!

Зато не тронет. Отбрасываю все мысли прочь, еще раз нащупываю в сумочке газовый баллончик и стучусь в дверь. Она распахивается тут же, и мне в нос ударяет мощный, но очень приятный, одеколон. На шейхе черная рубашка с запонками, галстук, брюки, а на руке огромные часы.

— Проходи, — мужчина втягивает меня в номер.

— Это вы так хотите мимо охраны «проскользнуть»? — окидывая его пафосный вид, спрашиваю я.

— Ну да, а что?

— Вы выглядите несколько... приметно.

— И правда... — Шейх замер посреди номера, задумчиво потирая подбородок. — Что ты предлагаешь?

— У вас есть джинсы и... кроссовки? И толстовка!

— Да... да и нет. Так...

— У меня есть идея! — Глупая, ужасная и не шейхам такое предлагать, но...

— Говори.

— Вы могли бы надеть мою толстовку.

Тишина. Мужчина смотрит на меня, я — на него. Так-то моя толстовка размера оверсайз, как раз темно-сиреневая, неброская, с надписью «I love Barcelona». Все равно под низом у меня еще водолазка: я жуткая мерзлячка. Даже сейчас руки холодные, хотя я волнуюсь.

— А давай, — неожиданно соглашается шейх. — И хватит «выкать». Сегодня для тебя я такой же человек, как и все остальные. Но это только между нами. Зови меня просто Джафар.

— Как злодей из мультика про Алладина? — прыснула я.

— Как волшебника из мультика про Алладина, — поправляет меня он.

Переодевшись в джинсы, кроссовки и в мою толстовку, Джафар лишь немного скрыл свое благородное происхождение. Пусть рукава моей кофты ему немного коротки, все равно подчеркивают его красивые руки.

— Часы лучше оставить тут, — нехотя произношу. — Или, может, есть какие-нибудь попроще?

В общем, из номера мы выходим в половине двенадцатого ночи. Тихо и быстро идем по коридору, но почему-то все равно дверь позади нас распахивается, и в спину летит удивленное:

— Джафар?

Я лишь мельком оборачиваюсь, встречаясь с возмущенным взглядом того шатена из люкса напротив, к которому захаживает Жанна. Но шейх лишь с веселой улыбкой смотрит на меня, тянет за руку, и мы запрыгиваем в лифт.

— Кто это был? Охранник?

— Нет, мой друг Исмаил. Сопровождает меня в поездках, мой личный бизнес-консультант.

Не знаю, пожалел ли Джафар, что ввязался в авантюру со мной, когда увидел мою двадцатилетнюю желтую Ауди. Впрочем, он ничего не говорит. Просто садится, но тут же натягивает ремень безопасности. Я следую его примеру, с третьего раза завожу старушку, и мы трогаемся.

Мы катаемся по центру, заехали в мой любимый гастробар перекусить. И вроде парни, надравшиеся в вечер пятницы, пытаются пристать ко мне, но быстро ретируются под одним только взглядом Джафара, а мне все кажется, что за нами кто-то наблюдает. Как будто я лично несу ответственность за то, что вынесла бесценный алмаз на публику.

Но постепенно это ощущение исчезает. Джафар много шутит, хотя и от его взгляда разбегаются все, кроме меня. А я смотрю... Смотрю и люблю. Он такой красивый, такой умный, такой начитанный!

Ночь пролетает незаметно. Ой, мне же через два часа нужно быть на парах!

Я припарковываюсь возле черного входа отеля, расслабленная и уставшая. Только вот пусть этот вечер не заканчивается, ну пожалуйста...

— Увидимся вечером, — бросает мне на прощание Джафар и уходит.

Вечером? Ах да, у меня же смена...

Учебу решаю прогулять, сославшись на неважность пар. Под удивленные взгляды родителей молча прохожу в нашу с сестрами комнату и заваливаюсь спать.

Перед работой провожу лишний час у зеркала, по-всякому укладывая длинные золотисто-рыжие волосы. Кроме обычных стрелок на глазах, прохожусь по губам блеском с «мерцающими частицами». Да и платье натягиваю, пусть потом и придется переодеться в форму. Ну а вдруг?

И это «ну а вдруг» случается. Радостно прилетев в люкс Джафара (он потребовал, чтоб только я убирала его номер), я вижу его, и мое сердце начинает биться часто-часто, щеки пылать, а по телу разливается приятное тепло. Шейх встречает меня улыбкой и... снова зовет на прогулку.

Мы снова гуляем. Я показываю ему центр, разводные мосты. Дует сильный ветер, мы стоим на стрелке Васильевского острова и, как и другие, ждем, что вот-вот случится техническое чудо. Но так холодно, что у меня зуб на зуб не попадает. И вдруг я чувствую, как сзади Джафар подходит совсем близко и сгребает в охапку, уткнувшись носом мне в затылок. В этот момент створки моста начинают медленно расходиться, я слышу тихое воодушевленный выдох мужчины и чувствую горячее дыхание на шее, от чего по телу разбегаются мурашки.

... И эта ночь заканчивается, но мы снова договариваемся встретиться вечером. Последний вечер Джафара в Питере. Все эти три дня мы не говорим о чем-то личном; наоборот, нам интересно рассуждать о философии и искусстве. Наши взгляды местами в точности совпадают, и я только удивляюсь: а разве так бывает, а разве такое возможно? Никогда и ни с кем мне не было так интересно разговаривать.

Я жду... Жду, что Джафар подойдет и, как в кино, поцелует меня, прижмет к себе и скажет, что мы никогда не расстанемся. Мое сердце гулко отбивает ритм всякий раз, когда он подходит ближе, и мне кажется, что он даже слышит это. Чувствует ли он то же самое?..

Мы стоим у отеля, расцветает утро понедельника. Пары через три часа, хочется спать. Домой ехать минут сорок, обратно будет еще дольше, и на сон останется всего лишь час. Жаль, нельзя остаться тут. Отсюда до универа десять минут езды.

— Может, останешься? — врывается в мысли тягучий голос Джафара. — Впереди как раз философия, вот и спросишь у препода, во что верил Да Винчи.

Мысль кажется мне настолько соблазнительной, что я радостно оставляю машину и поднимаюсь в номер. Спать действительно хочется, но на задворках пульсирует мысль — это наш последний вечер. У Джафара самолет в восемь вечера, а до этого еще встреча. Я теперь знаю, как живут богатейшие люди страны. Хи-хи!

Пиликает ключ-карта, открывается дверь в просторный шикарный номер. Я сбрасываю куртку и сумку на ближайший стул, на пару мгновений замерев у зеркала, чтобы оценить свой вид.

— Ника? — раздается в тишина.

Я оборачиваюсь и встречаюсь с черным взглядом. Замираю. Сердце сначала падает куда-то в бездну, а мозг шлет сигнал: ты ему нравишься. Нравишься! Но, как только Джафар подходит ближе, в груди разливается жар. Я прижимаюсь к зеркалу спиной, а руки мужчины заключают меня в клетку по обе стороны.

Мамочки, сейчас случится мой первый настоящий поцелуй (нелепые попытки Стаса не в счет)!

Но вместо того, чтобы страстно прижаться ко мне губами, Джафар ласково проводит по моей щеке подушечками пальцев. Это так нежно и так прекрасно, что я невольно приоткрываю рот. Ну давай же, поцелуй меня! Пальцы мужчины скользят ниже к шее, если вообще можно скользить по пупыркам мурашек. Когда его ладонь возвращается к моей щеке, я невольно тянусь к ней, трюсь, втягивая аромат его кожи. И легонько касаясь ее губами...

Кажется, я бужу зверя, потому что в то же мгновение эти руки подхватывают меня и несут на кровать. Мы смотрим друг другу в глаза, я тону в них, мозг давно отключился. И только тогда, когда Джафар нависает сверху, он касается сухими мягкими губами моих губ, а я... а я отвечаю ему со всей страстностью впервые влюбившегося сердца.

Глава 1

Семь лет спустя...

Далеко-далеко за горизонт уходят линии бархан, а солнце беспощадно палит и без того раскаленный песок. Небо ярко-голубое, смотреть больно. И ветер, пустынный ветер, такой горячий, порывистый, обжигает легкие.

Вдали я вижу человека. На нем белые развевающиеся одежды. Мне кажется, он идет на встречу. Может быть, он мираж?

Мы подъезжаем ближе, и теперь мне видны его руки с аристократичными длинными пальцами. Я уже собралась протянуть свою, как вижу, что Рома, мой маленький сын, уже бежит навстречу этому человеку и радостно прыгает в мои объятия.

Он смотрит на меня, улыбается и счастливо кричит:

— Мама, я нашел своего папу!

Я замираю, когда вижу, как Джафар произносит одними губами:

— Я знаю, что это мой сын. И я его у тебя заберу.

Судорожно вдыхаю, распахивая глаза. Сердце колотится в груди, все больше разгоняясь. Пот струится по лицу. Зато вокруг темно и чуть-чуть прохладно. Рядом сопит Ромка, а я понимаю, что это был всего лишь кошмар.

Ложусь обратно, накрываясь одеялом. А перед глазами Джафар. И правда, которая скоро, как подсказывает мое сердце, вырвется наружу.

— Кто виноват и что будем делать? — задаю два своих любимых вопроса аудитории, когда вижу исписанную нецензурными словами доску. Студенты притихли, только бросают друг на друга косые недоуменные взгляды. — Вроде лингвисты, а до сих пор делаете дурацкие ошибки.

Беру красный фломастер и, найдя ошибку во фразе, адресованную мне, зачеркиваю неправильную букву и пишу сверху нужную.

— Это слово пишется так, товарищи, — подытоживаю я, заставляя студентов улыбнуться. — Уж не позорьте меня, а? Вот зайдет декан, а тут такая нелепая ошибка. Ладно, продолжим лекцию. Кстати, Соколов, стирай свои художества. Твой же почерк, — бросаю наобум, потому что не уверена, кто из моей «любимой» троицы действительно виноват. Но в этот раз я попала точно, судя по красным щекам местного заводилы, который спускается с «галерки».

— Простите, — мямлит он, проходя мимо.

— Раз стоишь у доски, напиши тему. Только без ошибок, — не оборачиваясь, строго говорю я.

По окончании пары последней выхожу из аудитории, с усилием закрываю древнюю дверь.

— Вам помочь? — слышу рядом, пока воюю с ключом в замке.

— Не обязательно, — отзываюсь, встряхнув головой, чтобы сдуть с лица выпавшую прядку.

— Тем не менее, вы не отказываете, — тихий смех раздается совсем рядом с моим ухом, и, наверное, он должен был пронзить меня до мурашек, но нет.

— Ладно, Стас, давай.

Отхожу в сторону, позволяя другу детства повоевать с непокорным древним замком. Правда, мне кажется, что железяка быстрее сломается, чем сдастся в могучих руках двухметрового детины, точнее местного преподавателя литературного редактирования.

— Ты же не просто так меня искал? — спрашиваю спустя пару минут.

— Да, хотел пообедать вместе.

— Ой, Стас! — закатываю глаза. Опять-двадцать пять. Стоит ему расстаться с очередной девушкой, как опять ко мне подкатывать пытается.

— Пойдем, это касается работы, — недовольно бубнит он, справившись с непокорным замком.

Идем в столовую, садимся за «наш» столик, расположенный в самом углу и большого окна.

Только Стас собирается с духом, чтобы вывалить на меня какие-то нехорошие новости (по его юношескому лицу это слишком видно), как у меня звонит телефон. Не глядя, поднимаю трубку, а друг лишь недовольно поджимает губы.

— Мам! — доносится в телефоне родной взволнованный голос.

— Что случилось, родной? — встревоженно спрашиваю, а Стас напротив весь собирается, готовый бросить все и бежать на помощь моему сыну.

— У меня болит голова очень! — хнычет малыш. — Очень сильно, мам!

— Ромуль, мама скоро приедет. Она как раз закончила работать, — спокойно говорю, а сама вскакиваю с места. Стас тоже встает. Удивленно смотрю на него.

— Я тоже закончил, — произносит он одними губами. Ага, опять он меня специально ждал. Ладно, потом все скажу.

Быстро спускаемся вниз, Стас тянет меня в конец преподавательской парковки, где стоит его новенький белый БМВ. Залезаю в машину, пристегиваюсь. Если раньше мне доставляло удовольствие ездить на новых игрушках друга, то теперь почему-то раздражает его непостоянство.

— Опять мигрени? — осторожно спрашивает он, выворачивая с парковки.

— Угу, — коротко отвечаю. Уже почти год сына ничего не беспокоило, и вот опять эти головные боли! Неужели впереди долгие часы в больницах?.. Тряхнула головой. Нет, надо верить в лучшее.

— Кстати, Ник, ты помнишь участвовала в переводе книги "Услышь себя!", который написал известный коуч и бизнес-консультант Исмаила Вальтеза? Представляешь, он прилетает в Россию!

— Обсудим позже. Не сейчас.

Я так волнуюсь, что разговоры только мешают, хотя это имя почему-то больно царапает мозг. Но я отбрасываю ненужные тревоги. Все потом.

Едем молча. Стас даже музыку не включает. Знает, что, когда я в таком состоянии, лучше вообще сделать вид, что ничего, кроме моих мыслей, не существует. За двадцать пять лет нашей дружбы я пришла к выводу, что он самый комфортный человек, в обществе которого мне комфортнее всего находиться. Но комфорт — это ведь не любовь, правда?

Когда паркуемся у садика, я выскакиваю из машину и бегу через ворота. Преодолеваю замысловатые коридоры и в считанные секунды оказываюсь возле нужной двери. Распахиваю ее без стука.

— Мама! — Ромчик радостно спрыгивает с кровати, что-то справа от него падает, а перепуганная младшая воспитательница подпрыгивает на месте.

— Это я виновата, Вероника Андреевна, — лепечет она.

Наклоняюсь к сыну, убираю с его лба мокрую черную кудряшку... и вижу открытую рану и припухлость размером с яйцо. Выдыхаю. Так вот в чем дело.

— Что случилось? — позади, занимая весь проем, появляется Стас, от чего воспитательница делает шаг назад.

— Дядя Стас! — Рома, забыв про меня и все свои горести, бежит к мужчине, тот подхватывает его на руки и подбрасывает под мое недовольное «Осторожно!».

— А я новую машину купил, покажу? — предлагает друг мальчику и тот радостно кивает, но морщится. Стас уносит его, а я поворачиваюсь к воспитательнице.

— Так что случилось?

— Простите, я не знала, что он вам позвонил... Просто... Они с Яриком игрались... Я отвернулась лишь на секунду... и вот...

— Ясно.

Что еще сказать? Непоседливый характер моего сына уже доконал третью воспитательницу в этом саду. Скоро уже я буду платить им моральную компенсацию за общение с Ромой.

Когда возвращаюсь к БМВ, вижу, что мое место уже занято. Сын сидит на детском кресле тщательно пристегнутый, но умудряется тыкать тонкими пальчиками во все кнопки, до которых способен дотянуться. Мой любимый непоседа!

В который раз задаюсь, в кого у сына такой характер. Я в детстве была милой скромницей, а Ромка у меня пробивной — если ему надо, он со всеми договорится и добьется своего любыми путями. Вроде шесть лет ребенку, а у меня уже, наверное, целый том историй о его похождениях наберется. Если бы кто увидел шейха вблизи и моего сына, уверена, возникли бы вопросы.

Так, этого не случится. Где я, а где он? Между нами тысячи километров, а мои кошмары — просто перевозбужденное подсознание. Мы больше не увидимся. Никогда и ни при каких обстоятельствах!

— Куда везти вас, мисс? — тоном военного спрашивает Стас, вызывая у меня улыбку.

— Поехали домой, а?

— Так и думал. Суши будут через полчаса.

Я смотрю вперед и встречаюсь с глазами друга в зеркале заднего вида. Отворачиваюсь. Ведь комфорт — это не любовь, правда?

Я ставлю размашистую подпись с росчерком на трех копиях завещания. Передаю два листа нотариусу, а третий убираю в сейф. В темном кабинете, где горит лишь одна настольная лампа и редко вспыхивает пламя из зажигалки, нас трое: я, младший брат моего отца и нотариус.

— Комфорт — это, конечно, не любовь, но, с моей точки зрения, это единственная вещь, недоступная людям в нашем статусе, — хрипло произносит дядя, исподлобья глядя на меня. Тушит сигару о золотую пепельницу. Я смеряю его взглядом, и он лишь хмыкает.

— Ты же знаешь, я могу нарушить любую традицию, если пожелаю. — Сажусь на свое кресло, беру сигару. М-м-м, кубинская. Идеально.

— Составить завещание в твоём возрасте до рождения сына — это благоразумие, а не нарушение, — парирует дядя. Он хочет сказать что-то еще, но заходится приступом кашля.

— Да, шейх, что повелите делать с этими документами? — Нотариус кивает на желтую папку, где лежат личные дела моих бывших, дабы убедиться, что у меня нет внебрачного сына. Потому что, согласно традиции, мой первенец унаследует всю мою империю, как я унаследовал в свое время.

— В сейф.

Нотариус и дядя встают первыми, склоняют головы и выходят. Я еще с минуту сижу, потирая короткую бороду и смотрю на то место, где в свете лампы лежала желтая папка. Там нет лишь одной женщины.

Тряхнул головой. Нет, там концы не могли остаться. Вероника слишком умна, чтобы загубить свою карьеру случайной связью.

Глава 2

— Так что там по работе? — спрашиваю я, отправляя в рот имбирь. Ромчик уже убежал играть, я сижу в домашней одежде на своей маленькой кухне в компании Стаса. Он потягивает брусничный морс и даже не морщится.

— Так ты помнишь популярного коуча Исмаила Вальтеза?

Забыла сказать. Помимо работы в университете, Стас недавно стал выпускающим редакторов в одном популярном издательстве и периодически обращается ко мне за помощью.

— Угу. — А как тут забудешь? Такая муть, а этот человек довольно популярен в массах. Если бы не подработка переводчика, в жизнь бы не читала труды этого «гения». Я вообще далека от психологии и всяких там методик. Нужно жить, как чувствуешь, и знать ответы на главный вопрос «Что делать?».

— Так вот, — воодушевленно начинает Стас, и я поднимаю на него глаза. Он фанат этого англичанина с корнями итальянца и кто знает кого, что ли? — Он впервые приезжает в Россию, и наше издательство, как имеющее уникальные права на его бестселлер, устраивает презентацию его книги на форуме. Наш штатный переводчик заболела, так что мне нужна твоя профессиональная помощь.

— Может, ему экскурсию провести еще? — саркастично интересуюсь. Стас прекрасно знает, что с некоторых пор я на дух не переношу общаться с иностранцами. Вот преподавать или в тишине работать с книгами — это другое дело.

— Мы бы взяли бы кого-нибудь со стороны, но только вы двое знаете содержание книги. Посторонний человек может просто не понять его фразочек.

Это уж точно. Я сама над некоторыми ломала голову несколько вечеров, пытаюсь понять, что же хотел сказать автор.

— Пусть почитает, у меня остались заметки.

— Дело в том, что презентация в субботу. В эту субботу.

Я медленно выдыхаю. Сегодня четверг. За пару дней в головомойку идей этого коуча просто так не вникнуть.

— Рому возьмем с собой, для детей будет организована детская комната, — добивает Стас. — И, если хочешь, я подарю тебе деньги на новое платье.

— Возьму что-нибудь из старого, — отрезаю я. Понятное дело, что придется завтра поехать в магазин, чтобы купить себе какое-нибудь приличное платье не ниже уровня Массимо Дутти и найти приличные туфли, в которых ноги не отвалятся. Вот и вечер пятницы в компании сына. Но хотя бы в субботу он не будет один.

На прощание Стас привычно целует меня в щеку. Я на несколько секунд кутаюсь в аромат его неизменного одеколona от Диор. Аромат уюта, аромат моей личной тихой гавани.

— В субботу заеду за тобой в девять утра, — говорит напоследок и закрывает дверь. Закрывает на замок с внешней стороны.

Да, у друга есть ключи от моей квартиры с тех самых пор, когда он носился с нами целый год по врачам, пытаюсь выяснить, что за болезнь у Ромы. Большая часть врачей просто сослались на то, что мальчику «климат не подходит», чем меня доводили до белого каления от злости. Вместо того, чтобы лучше лечить, они все списывали на атмосферное давление и прочую ерунду.

Нахожу сына в нашей общей комнате: квартиру у нас однокомнатная. Он рисует, поэтому белый ламинат под ним приобрел желтые и синие цвета. Сажусь рядом, облокачиваясь спиной об диван, и привычно тереблю львиные черные кудряшки.

— Мам! — возмущается Ромчик, тщательно вырисовывая жирафа с огромной головой и синими пятнами.

— Пора заниматься, родной.

Забираю альбом, кладу его на стол. Сынуля убежал мыть руки. Я сама учу его английскому языку с тех пор, как он научился говорить. С моей точки зрения, человеку, знающему языки, мир открывается совсем другим.

Но Рома с трудом выдерживает занятие, постоянно отвлекается. Поэтому к вечеру мы оба чувствуем себя вымотанными и молчим во время прогулки. Лишь уложив его спать, я могу в тишине поработать или почитать что-нибудь. А раз мне грозит присутствие на солидном мероприятии, стоит побольше узнать об экземпляре, с которым придется поработать.

Агрессивная реклама везде показывает мужчину в черном костюме и в черных солнечных очках с характерной подписью «Вы должны смотреть не на меня, а в себя! Услышь себя! Пробуди свою истинную сущность!». Н-да. Мельком пролистываю фотки, но мужчина везде одинаковый: темный костюм, черные очки-авиаторы и каштановые волосы. Все!

Ладно, как-нибудь справимся.

Хочу уже отложить телефон, как на глаза попадается пестрая новость: «Один из самых богатых холостяков мира скоро женится. Объявлена дата свадьбы. Его избранницей стала...» Невольно нажимаю на картинку. Статья разворачивается в полный экран. Но сверху режет глаза фотография очень красивой зеленоглазой женщины со смуглой кожей и длинными темно-шоколадными локонами, рядом с которой стоит высокий мужчина в черной костюме и с выстриженными «канадкой» кудряшками.

«Джафар бен Алим Аль Рабах женится на двадцатилетней дочке катарского бизнесмена Айлу...»

С гневом закрываю вкладку, сжимаю телефон. Вот король и выбрал свою королеву.

Глава 3

Вечер пятницы проходит предательски быстро, а утро субботы сопровождается хныканье Ромки и моим от того плохим настроением. Да, мы оба не любим ранние подъемы, но иногда сын капризничает сверх меры.

Спускаемся вниз, где нас уже ждет Стас. Сын рвется вперед, но я сажаю его сзади, рядом с собой, от чего Рома злится еще сильнее.

— А что с настроением? — пытается отвлечь нас друг, но мы оба молчим, поджав губы. — Так, понятно. Макдональдс отменяется.

— Как это? — удивляется сын. — А я так хотел!

— Так, ребятки, мы опаздываем, — специально говорю я, строго глядя на Стаса. Знает же, что я против этой всей химии.

— Мы быстренько, — перечит друг мне и бодро отъезжает с парковки.

— Я сказала “нет”, — холодно отрезаю и — наконец-то! — Стас перестает со мной спорить. Однажды он говорил, что очень злится, когда я не даю ему воспитывать мальчика, но это не его сын, а я смогу воспитать его сама. В жизни Ромы есть один мужчина, который является для него примером, — это мой отец.

К тому времени, когда приезжаем к Олимпийскому, на парковке практически не остается мест, и охранник, тщательно рассмотрев наши удостоверения, пропускает в спец зону. Не люблю пользоваться служебным положением, но иногда приходится.

Стас уходит, а мы с Ромой тормозим возле яркой детской комнаты, где уже играют двое детей. Присаживаюсь перед сыном на колени.

Ты играй, маме нужно поработать. Если что, звони. Или можешь сказать вот этой тете, — указываю на воспитательницу. — Я буду в большом зале в конце коридора. — Подхожу к девушке, которая тут же поднимает на меня глаза. Обращаюсь к ней: — Будьте внимательнее, мой мальчик любит приключения.

— Не переживайте, все будет хорошо! — уверенно говорит воспитательница.

Выхожу из детской комнаты, сливаюсь с толпой администраторов и шагаю в зал. Меня заносит людской волнующейся волной в огромное помещение с кирпичными белыми стенами, того же цвета полом. У дальней стены среди зеркал стоит небольшой подиум с плакатом книги и стойкой микрофона, а перед ним — множество черных пластиковых стульев. Чуть дальше стоят одинокие высокие столики, официанты снуют возле них, организовывая фуршет. Даже игристое вино, очень приличное, выстроилось в стройный ряд.

— Проходи, — Стас ловит меня за плечи и осторожно тянет вперед, огромным телом тараня толпу. — Исмаил скоро приедет. Так, ты будешь стоять вот здесь, рядом с ним. Скоро принесут второй микрофон.

Чувствую привычное волнение, которое легонько покалывает в кончиках пальцев. Я в детстве очень часто теряла сознание на большой сцене, лишь с годами удалось преодолеть этот недуг, чему помогло преподаванием в родном университете. А теперь меня изредка накрывают отголоски прежней эмоциональности только перед большой и важной публикой.

Беру и проходящего мимо администратора книжку в твердом белом переплете с темно-золотой надписью “Услышь себя!”, чтобы справиться с волнением. Средней толщины, внутри черно-белые картинки с эффектом разбрызганных чернил, как будто кто-то делал зарисовки здесь же.

— Нравится? — слышу позади английскую речь.

— Вполне, — сдержанно отвечаю и медленно оборачиваюсь. Исмаил выше меня на пол головы, в темно-синих джинсах, обманчиво простом сером свитере с логотипом именитого

бренда и белых кроссовках. Волнистые каштановые волосы уложены гелем, никакой щетины и неизменные очки-авиаторы.

— Я сам рисовал, — гордо заявляет Исмаил. Для мужчины он обладает довольно высоким тембром голоса, эдакий лирический тенор с чуть приглушенным тоном, как будто посвящает в какую-то тайну.

— У вас отлично получается, — вежливо дергаю уголками губ.

— Долгие и упорные труды, Вероника, — мужчина наклоняется и целует мне руку, от чего становится неприятно, но половина женщин, видимо, за нами подглядывающая, недовольно вздыхает. А мне, глядя сверху, удастся увидеть длинные ресницы Исмаила.

— Вы уже успели про меня узнать?

— Конечно, ваш выпускающий редактор постарался как следует пропиарить вас за мой счет. — Мужчина достает из заднего кармана белый флаер, где на главном развороте чуть ниже имени спикера написано: “Переводчик Вероника Лаевская”. — Но я не обижаюсь. Вы хорошо смотрите рядом со мной.

Стас! Значит, это он все заранее подстроил! Брошюры выпустились задолго до того, как он попросил меня подменить их штатного переводчика.

Встряхнув головой и отбросив лишние мысли, задаю всякие вопросы о книге, мысленно приспособливаясь к необычному акценту Исмаила. Его речь не точна до скрежета зубов. Наоборот, местами она плавная и вязкая, как зыбучие пески.

Вопреки моему скепсису, читатели и журналисты очень горячо встречают Исмаила. Расставленные квадратные “скульптуры” охранников в черных пиджаках — это единственное, что не дает фанатам упасть в ноги своего кумира. Мелькают вспышки камер, льются вопросы, доходящие до личной жизни коуча, которую он тщательно скрывает.

После конференции Исмаил весьма навязчиво хватает меня за локоть и тащит в гущу толпы, ссылаясь на то, что ему без меня не справится. Заботливо подает мне бокал шампанского, улыбается в камеры. Аж противно.

— Мама! — мои мысли разрезает панический голос Ромы, и все, как и я, поворачиваем головы к двери. Сын, весь мокрый насквозь, видит меня и стремительно подлетает, не успеваю я и шага сделать под неусыпным контролем Исмаила. В последний момент удается вырвать руку и отойти в сторону. Впрочем, именно теперь появляется воспитательница с огромными, как блюда, глазами.

— Малыш, что случилось? — убираю с его лба кудряшку, а сама вздыхаю, ведь пока шла сюда, тщательно просканировала территорию на наличие каких-нибудь водоемов.

— Я не виноват, — нижняя губа сына чуть подрагивает. — Просто... Там Витка толкнул меня.

— Куда?

— В пруд. Мы на рыбок смотрели.

Я молча поднимаю глаза на молчаливую девушку, от былой уверенности которой давно не осталось и следа. Боковым зрением замечаю движение, и темно-синее пятно быстро становится ногами.

— Милый, пошли в машину. У меня там запасная одежда. Простите, я ненадолго, — бросаю Исмаилу, который внимательно наблюдает за нами с легкой полуулыбкой. Жаль, я не вижу его глаз, но я готова поклясться, что в них нет ни капли улыбки.

Глава 4

— Любимый? — сонно тянет Лу, елозя рукой на свободной половине кровати. — Ты почему не спишь?

Лунный свет падает на ее красивую женственную фигуру в шелковой сорочке. Многие мужчины восхищаются ее внешностью, все оборачиваются ей вслед. А я... а я бы прошел мимо. Яркие фантики привлекали меня лет в восемнадцать, а теперь, в тридцать четыре, я убежден, что внутри должно быть что-то еще.

— Любимый? — снова тихо зовет Лу, обвивая мои широкие плечи тонкими руками.

— Хочу потренироваться, — говорю я, встаю с шелковых простыней.

— В четыре утра? — наивно спрашивает невеста, за два года наших отношений так и не научившись понимать меня. — Ладно.

Выхожу в просторный коридор. Мой дом поистине можно назвать дворцом: он огромен даже по моим меркам. И только детских смех моих малышей создает уют для этих холодных мраморных стен.

На пути в зал встречаю несколько уборщиц и охранников, которые при виде меня в столь ранний час отшарахиваются в сторону и провожают взглядом. Местные жители не спят даже ночью, чтобы поддерживать во всей вилле порядок.

— Принеси мне апельсиновый сок в зал, — бросаю первой попавшейся уборщице, даже не запоминая ее лицо.

Дверь в тренажерку бесшумно отъезжает в сторону, пустой зал встречает меня немигающими черными глазками камер. Включаю бодрый трек, скидываю полотенце и полностью погружаюсь в спорт, выбивая неясное беспокойство и раздражение из мозга.

Присутствие другого человека я скорее ощущаю, нежели слышу. Только оборачиваюсь, и в это же мгновение в грудной клетке разливается пожар. Я непонимающе делаю шаг в сторону и замечаю быстро распространяющееся красное пятно на майке. С трудом поднимаю глаза, но вижу черную тень, бесшумно выскальзывающую из зала. А дальше только тупая боль в плече, на которое приходится основной вес при падении, и блаженное забытие.

Вероника

После презентации прошла уже неделя, а в груди осталось неясное беспокойство, с которым никак не справиться. Я уже провела несколько вечеров в поисках информации об этом коуче. Что-то в нем мне кажется знакомым, но что именно, не могу понять. Отбиваюсь от этих мыслей, как от навязчивых мух, заталкиваю в самый дальний уголок сознания, повторяя “Все прошло, все закончилось”.

Гуляю с Ромкой по парку. Накануне у нас состоялся неприятный разговор со Стасом на счет его выходки с конференцией, после чего я попросила его временно оставить меня в покое.

Смотрю на сына и думаю, а может, ему щенка купить? Он давно хотел собаку, да и я не прочь уже повозиться с кем-нибудь маленьким. Да и пора Ромке понимать, что такое ответственность за жизнь другого существа.

— Сына, подойди сюда, — зову его, отвлекая от рассматривания уток в местном пруду. Рома даже в пустыне найдет источник воды.

— Сейчас! — кричит он и кидает кусок хлеба птицам, который на ходу ловит подлетевшая огромная чайка. Весело засмеявшись, малыш стряхивает ладошки и только тогда подходит ко мне с важным видом.

— Малыш... — начинаю я и осекаюсь. Впереди нас пристально изучает молодая женщина в солнечных очках и в повязанном на голову бежевом платке. Причем она ни капли не

смущается ни тем, что это вульгарно, ни тем, что ее обнаружили. Наоборот, увидев, что она рассекречена, женщина встает и прямой быстрой походкой направляется к нам.

Невольно завожу сына за спину и выпрямляюсь. Краем глаза замечаю движение и вовремя успеваю чуть отклониться в сторону, потому что дамочка промахивается с пощечинной, громко выругавшись.

— Ты нормальная?! — невольно восклицаю я.

Она что-то шипит в ответ, а меня будто ушатом холодной воды пронзает. Мне кажется, или я услышала арабскую речь?!

— Ах ты! — переходит она на английский, быстро сообразив, что я ее не понимаю. С глаз дамочки слетели очки, и теперь я вижу огромные зеленые глаза на лице совсем еще юной девушки.

— Уважаемая, успокойтесь! — Ее руку перехватывает проходящий мимо мужчина, ибо наша мини-сцена привлекла зевак. Тут же со всех сторон возникают темные широкие тени с лысыми головами, и мой защитник невольно отпускает руку девушки. Охранники вырастают возле нее стеной.

— Мам! — хнычет позади Рома, прижимаясь ко мне. А девица только презрительно кривится, переводя взгляд с него на меня и наоборот.

— Может, объяснитесь? — требую я, скрешивая руки на груди.

— Ты! Ты мне всю жизнь под откос пускаешь! — шипит девушка. — Вот этим, — машет в сторону сына, доведя меня до бешенства. Набираю в легкие побольше воздуха, чтобы как следует отчитать за такие слова, но тут незнакомка начинает реветь, размазывая на милом личике тонны косметики.

— Пойдем отсюда, — шепчу Роме и тяну его за руку, но путь нам преграждает один из охранников этой истерички. Поднимаю глаза и уверенно говорю мужчине: — Если не отойдете, я вызову полицию.

Но он не сдвигается с места.

— У меня отец — лейтенант полиции, так что лучше отпустите, — цежу я, выдергивая руку.

— А мой папа приближен к правящей династии Катара, — в тон мне отвечает девушка. Английским она владеет в совершенстве.

— Ну, с такими-то связями не понимаю, почему ко мне такое внимание, — ухмыляюсь. Очевидно, что мне не сбежать. Придется выслушать, что эта ненормальная хочет.

— Здесь холодно. Пойдем в машину. Нужно кое-что обсудить.

— Мне некогда.

Незнакомка капризно надувает губки, поправляет шарфик и кивком головы указывает на меня. Охранник дергается в мою сторону и вцепляется в руку снова.

— Хорошо. Мне нужно отвести сына домой. Давай встретимся через два часа в ресторане Москва и спокойно все обсудим? — предлагаю компромисс. Не хочу, чтобы какие-то разборки касались Ромы, не хочу, чтобы он услышал правду. А, глядя на девицу, я уверена, что она знает все.

— Попробуй только не явиться. Я тебя под землей найду! — пыхтит она, разворачивается и, цокая каблуками, идет к черному тонированному Майбаху. Часть охранников садятся в такой же тонированный внедорожник, и машину срываются с места.

— Мамочка, кто это был? — хнычет Ромка. Я оборачиваюсь к нему, присаживаюсь на колени и целую в лоб.

— Не переживай, милый, это просто плохая тетя. Я тебя сегодня оставлю у бабушки с дедушкой, а завтра заберу, хорошо?

— А дедуля даст поиграть в его танк? — тут же слезы высыхают, и Рома быстро просчитывает выгоду для себя.

— Возможно, — расплывчато отвечаю и вызываю такси. Хорошо, что сегодня у меня нет пар.

Пока едем в такси, звоню родителям и сообщаю о приезде. Для них это не новость — я часто привожу к ним внука. Вот только терзают меня сомнения о том, как поступить. Кусаю губу, глядя в окно. Да, правда меня настигла. Она стремилась на свет с первого дня рождения Ромы, рвалась, уничтожая все выстроенные мной преграды. Никто не должен был узнать, кто отец моего сына. Мой папа постарался скрыть всю информацию, просто поверив мне, что это важно. Но отрицать поразительное внешнее сходство сына и шейха просто невозможно. Знающий человек обязательно увидит это.

Чувствую знакомую дрожь в пальцах. Ну нет, не сейчас. Я должна быть сильной для сына. Стоит ли посвящать отца в происходящее? Сможет ли он помочь? Сомневаюсь. Стаса тем более привлекать не хочу. Нет, я сама решила оставить ребенка, сама и несу ответственность.

Дверь открывает сестра. Собственно, из-за нее я тогда устроилась работать в тот дурацкий отель. Я взяла кредит, потому что она испортила жутко дорогую вещь в магазине, но ей на тот момент не было восемнадцати. Решила тогда не грузить родителей и разобраться самой. Н-да.

— Мама сказала, что ты приедешь, — меланхолично замечает она. — О, Ромка, проходи! А ты что стоишь?

— Я завтра за ним приеду. Одежда же у вас есть, так что...

— Что, даже не зайдешь? — перебивает Настя, скрестив руки на груди. — Маман расстроится.

— Возможно, завтра. Ну, ладно. Пока.

Сестра молча захлопывает дверь, а я стою еще с минуту. Так, соберись, Вероника. Ты смелая, ты пробьешься.

В ресторан приезжаю заблаговременно, наслаждаясь прекрасном видом на Невский. Заказываю себе чашку кофе и принимаюсь ждать. Догадаться о ее личности не составляет труда: невеста Джафара, дочь катарского бизнесмена. Девушка видное, завидная невеста и бла-бла-бла.

Впрочем, мое ожидание длится недолго. Айлу появляется раньше времени в компании охранников. Сперва на ее лице задумчивое выражение, но, увидев меня, оно быстро меняется на враждебное. Она торопливым шагом ко мне, а взмахом руки оставляет свиту в стороне.

— Правильно сделала, что пришла. — Айлу грациозно садится на стул, и теперь я могу рассмотреть ее. Бледная идеальная кожа с тонной косметики, шоколадные глаза миндалевидной формы, чуть вздернутый нос и пухлые губы бантиком. Эдакая восточная красавица.

— Говори, что тебе нужно, — перехожу к делу я.

— Значит, так. Ты, я вижу, не дура, поймешь, что к чему, быстро. Твоя задача валить из города в какую-нибудь деревню и не высовываться оттуда до конца своих дней вместе со своим сыночком. Понятно?

— А если нет? — Скрещиваю руки на груди, упрямо смотрю на Айлу. Ее глаза сверкнули.

— Тогда вы оба покойники, потому что я никому не позволю занять законное место своего будущего первенца, — холодно отвечает она, а у меня невольно мороз по коже пробегается.

— А где им место, Айлу? — слышу тягучий давно забытый голос. Волоски на шее встают по стойке смирно. Поднимаю глаза и встречаюсь с его черной алмазами. И так не вовремя чувствую, что сознание уплывает...

Глава 5

Джафар. За несколько часов до...

Золотая клетка моих покоев уже порядком надоела. Я категорически не переношу больницы, поэтому лечащий врач и две медсестры дежурят у моей кровати круглосуточно. Как и Алим, мой личный телохранитель. Он замер у дверей, только глаза блестят, выдавая в нем признаки жизни.

Киллеру не повезло: он не задел сердце и магистральные сосуды. Но не повезло и мне: бестолочи-охранники уложили его на выходе из дома. Сказать, что я в ярости — не сказать ничего. Я наполнен ненавистью до самых краев.

Над этим делом я вызвал лучшего детектива, но пока зацепок нет. Личность убийцы установлена, но он был обычным одиночкой. Значит, работал на кого-то. Каждый день просматриваю его дело, пытаюсь понять, что упустил. Но ничего. Скоро я найду заказчика и такую жизнь ему устрою, что он пожалеет, что родился. Я не убью его — это будет слишком гуманно. Нет, моя месть будет намного страшнее.

Вот только бы добраться до этого уroda.

— Алим! — рывкаю я, от чего мой голос эхом разлетается по дворцу.

— Да, шейх? — Охранник тут же подходит ко мне.

— Новости есть? Ты говорил с детективом сегодня?

— Да, шейх, никаких новостей.

— Что за бестолочь?! — цежу сквозь зубы от того, что боль в мышцах усиливается при малейшем движении. Гребаная рана!

— Шейх, вам нельзя нервничать, — лепечет медсестра. Бросаю на девушку взгляд: однако, она красива. Тонкая, нежная, с черными густыми волосами. А глаза чернющие, умные.

Девушка тоже с любопытством разглядывает меня. Но постепенно ее взгляд затуманивается вожделением и... алчностью. Личико принимает неестественно слащавое выражение, ресницы томно прикрывают глаза, губы чуть приоткрываются. Только это представление мне быстро надоедает, и я отворачиваюсь. Пожалуй, мне в жизни встречалась только одна женщина, которую не интересовали мои деньги и статус. Ей на тот момент было лет восемнадцать, но вряд ли она сохранила эту непосредственность.

— Может быть, вы желаете что-нибудь? — ласково спрашивает медсестра, невольно облизывая пухлые губки.

— Нет, оставь нас, — жестко обрубаю ее. Девушка недовольно выдыхает и, обогнув Алима, покидает покои.

— Может, она предательница? — задумчиво произношу, когда дверь закрывается. — Вы ведь проверили всю охрану, весь персонал, перелопатили все личные дела их и их родственников. А медиков также тщательно проверяли? Убийца никак не мог попасть без помощи изнутри.

— Понял, шейх, проверим еще раз! — Алим тут же делает шаг к двери, достает телефон и быстро проговаривает мой приказ.

Кто же крыса?

— Шейх, к вам гость, — коротко сообщает охранник. — Исмаил.

Вместо ответа я лишь делаю взмах рукой. Дверь тихо отъезжает в сторону, запуская друга. Он как знает, когда стоит зайти ко мне и застать в самом плохом настроении.

Но Исмаил игнорирует мои сжатые кулаки, с легкой полуулыбкой проходит по номеру, заглядывает в открытые двери балкона. Замечаю в его руках большую плетеную корзину, покрытую полотенцем, из-под которого выглядывают зеленые и оранжевые кругляшки. Это он гостинцы мне принес, что ли?

— Здравяк, расслабься, — мелодично произносит Исмаил, скрывая в зеленых глазах усмешку. — Я с подарком.

— Как это мило с твоей стороны. Жду отчеты о проделанной работе. Ты, в первую очередь, мой бизнес-консультант, а уже потом знаменитый коуч.

Исмаил легко садится на стул, ставит корзинку на тумбочку. Откидывает клетчатое полотенце, с ухмылкой выуживает оранжево-красный апельсин.

— Сицилийские, только доставлены из Италии, — мягко говорит он.

— У меня такие каждый день на столе.

Тогда Исмаил молча достает мелкое зеленое яблоко. Смотрю на него, как на идиота.

— Русские люди называют этот кислущий сорт «Антоновка». Говорят, он очень хорошо восстанавливает силы.

Не знаю, что стало с Исмаилом за последнее время, но эта его манера туманно изъясняться ужасно раздражает. Но еще больше меня раздражает любое упоминание о России. Потому что перед внутренним взором очень ясно вижу медовые влюбленные глаза, сиреневую кофту и холодные северные ветра Петербурга.

— Ты Айлу давно видел? — перевожу тему. Не скажу, что в таком состоянии мечтаю ее видеть, но все-таки. — Не могу дозвониться до нее. Да и охрана говорит, что ее нет на вилле.

— Вчера вечером. Я слышал, сегодня ночью она улетела в Россию.

— Куда именно? — рявкаю. И почему о похищении моей женщины в курсе все, кроме меня?

— В Петербург. Она что-то важное раскопала, связанное с тобой.

Я чувствую, как у меня, человека, которого удивить нереально, начинает колотиться сердце, с каждым ударом причиняя дикую боль.

Я не стал дальше слушать Исмаила. Отбросил одеяло и, сжав зубы, встал, на ходу отдавая приказы. В мозгу билась только одна мысль: неужели Вероника не сделала аборт в той клинике? Неужели оставила ребенка? Не будь этого, Лу пальцем о палец бы не ударила. Но я же видел записи в истории болезни, видел отчеты! Вдруг ребенок все-таки не мой?

И вот теперь я сижу в своем любимом Ролс Ройсе, а мой водитель еле тащится. Как же жаль, что я не могу рулить сам! Еле сдерживаюсь, чтобы не разрушить что-нибудь. А может, привезти Веронику и ее секреты силой? Одного щелчка пальцев будет достаточно, чтобы уже через несколько часов девушка и мой потенциальный ребенок были здесь. Нет. Черные дела сейчас творятся. Если отчеты были сфабрикованы? Если кто-то играет со мной? Если покушение и этот секрет связаны?

Что ж, в виновности или невиновности девушки лучше убедиться самому.

За окном мелькают пальмы, глянцевые небоскребы и яркие вывески. На билбордах встречаются фотографии нас с Лу. Какой дешевый понт!

— Чтоб, когда я вернусь, этого дерьма не было! — говорю Халиму, моему первому помощнику, который трясущимися руками записывает все, что я требую последние двадцать минут. Молодой человек сперва непонимающе хлопает глазами, но, когда видит аллею наших фотографий, тут же зардеется и делает пометку. — Еще. Забронируй мне номер в отеле... — Пытаюсь вспомнить название. Получается с трудом, но помощник тут же записывает. Поворачиваю к нему голову. — Халим, ты помнишь, я просил тебя собрать информацию на одну девушку семь лет назад? Ты оставил ее данные?

— Да, шейх, они у меня в кабинете. В сейфе.

— Найди ее. Сейчас же. Сегодня мы должны увидеться с ней.

Интересно, Вероника до сих пор работает в том отеле? Или уволилась после декрета? Хотя я помню, как скромно она выглядела. Не потянула бы она ребенка. Может, хочет шантажировать? Да нет, не из таких она. Совсем не из таких.

А если она вышла замуж? Впрочем, не проблема. Заберу обоих. Не позволю, чтобы моего ребенка воспитывал какой-то идиот. И да, никто не имеет права касаться моей женщины, пусть даже бывшей.

Решено. Сперва заберу, а потом уже разберемся.

Глава 6

Какой гад мне только что плеснул в лицо стакан холоднющей воды?! Вскрываю на ноги, невольно толкнув официанта. Свет резко бьет в глаза, и я несколько секунд моргаю в попытке сфокусироваться.

— Тише...

Крепкие руки берут меня за плечи и чутка сжимают. Дергаюсь из хватки и резко разворачиваюсь. Молодые официанты во главе с администратором испуганно хлопают глазами, Айлу рядом нет, охрана у дверей, а шейх стоит совсем близко, на расстоянии вытянутой руки.

— Здравствуй, Вероника.

— Здравствуй, Джафар. — Волны тепла и забытых воспоминаний окутывают меня с головы до ног, мурашки разбегаются от одного только взгляда на шейха. Сглатываю ком в горле. Я давно смирилась, что мы с ним больше никогда не увидимся, но сейчас, глядя на него, мне снова хочется задаться вопросом: почему, ну почему ты больше не объявился даже тенью? Даже легким сигналом не оповестил, что помнил обо мне?

— Извините, скорая уже едет, — поддерживая пухлыми губами, сообщает администратор.

— Не нужно скорую, — быстро говорю. — У меня бывает.

— Ну лучше пусть проверят, — настаивает мужчина. — Не надо нам, чтобы в нашем ресторане такие ситуации случались.

— Я не хочу.

— Я настаиваю, — вмешивается Джафар, и я вздрагиваю.

— Лучше садитесь, — лебезит администратор, усаживая на мягкий стул. Не успеваю я и слова сказать, как в ресторан, распугивая оставшихся немногих клиентов, влетает врач скорой.

— Кому нужна помощь? — сурово спрашивает он. Шейх присаживается за соседний столик, чтобы все слышать, а сам с заинтересованным видом листает меню.

— Ей, — администратор указывает на меня, коротко описывает приступ. С его слов я прям при смерти.

Отвечаю на много неудобных вопросов, в том числе, не беременна ли я часом? На этом моменте Джафар чуть напрягся, прислушиваясь. Конечно, я не беременна. И ничего не принимаю, а то, что руки холодные — это уже нервное. В общем, врач советует обследоваться и отбывает спасать других.

К этому моменту Джафар уже покончил с основным блюдом. Медленно встает, откладывая салфетку. Подходит ко мне.

— А теперь уедем в более тихое место, — говорит и подталкивает к двери.

Он хочет еще поговорить со мной? Так, стоп. В тот раз это закончилось плохо, в этот раз может еще хуже. Только разве ТАКИМ людям отказывают? Серьезно, если я откажу, он сделает мне что-нибудь?

— А где ваша невеста? — спрашиваю, пока мы спускаемся по лестнице.

— Теперь мы на “вы”? — шейх выгибает бровь. — Впрочем, ладно. Она отправилась в гостиницу отдыхать.

— Понятно.

На улице, прямо под знаком “Остановка и парковка запрещена”, стоит черный внедорожник Кадиллак. Бритоголовый бугай держит дверь открытой. Подает руку, помогая мне забраться в высокий транспорт, потом оббегает машину и открывает дверь для шейха, отормаживая встречный транспорт взмахом руки. Визг тормозов, сигналы водителей... Сколько раз этого бедного мужчину сбивала машина?

— Трогай, — коротко бросает шейх, и автомобиль мягко трогается.

Мы молчим. Невольно провожу руками по молочной коже, которая на ощупь мягче шелка. Впереди — молчаливый экран телевизора, перед ним лакированный столик с клавиатурой и пепельницей. Курит, значит?

Начинаю ерзать. Эта обстановка нервирует. Но что сказать?

— Подожди. Доедем и поговорим, — пресекает мои мысли шейх.

Бросаю на него короткий взгляд. Какой же он все-таки красивый!.. И такой хмурый. Вокруг глаз залегли морщинки, губы сжаты в упрямую линию. Мне почему-то кажется, что улыбка на этих губах редко задерживается. Наверное, у шейхов мало поводов для улыбок.

СТОП! СТОП! СТОП! Мысленно даю себе затрещину. Очнись, Вероника! Этот человек, перед которым ты растеклась сейчас, приехал не просто так. Он хочет все выяснить про сына. Что я ему скажу? Вот, об этом стоит думать, а не о том, что я несколько лет не могла его забыть. Приготовься держать оборону, детка.

Машина останавливается. Бугай сперва открывает дверь шейху, потом уже мне, подает руку. Я поднимаю глаза и на секунду теряю дар речи: мы стоим перед отелем, где все началось.

Джафар уверенно идет к двери, швейцар распахивает золоченые створки. Я почти бегу за ним, подталкиваемая его аурой. Но почему этот отель? Здесь еще и невеста его будет? Шутка? Игры?

Позади остается стойка регистрации, у которой мы даже не притормаживаем, недоумевающие взгляды других постояльцев. Молчим в лифте, молчим в коридоре. Постепенно позади остается вереница охранников, кроме одного, который замирает у дверей номера. Того самого номера.

Мы заходим внутрь. Я вдыхаю позабытый аромат, оглядываюсь. Здесь все так же, ничего не изменилось. Вот тот барный стул, все такой же высокий и неудобный. То окно с видом на золотой купол Исаакиевского собора. То зеркало, к которому я была прижата, и та кровать, где...

Откашливаюсь, прочищая горло. Отворачиваюсь от спальни. Джафар тяжело опускается в кресло, и я вижу, что он через силу “держит лицо”. Он болен? Тут же к нему подбегает охранник с бокалом воды.

— Алим, пододвинь даме кресло напротив меня, — командует шейх. Его волю тут же исполняют. Я аккуратно сажусь на краешек, гордо держу спину. Смотрю прямо. Пусть не думает, что обескуражил меня этим местом. В черных глазах Джафара вижу усмешку. — Расскажи о своих делах, Вероника.

— Мои дела в порядке... — на секунду замираю, пытаюсь подобрать подходящее обращение, — шейх. Ваши как?

— Отставим формальности! — раздражается мужчина. — Расскажи мне о том, как забеременела после нашей встречи.

— Почему вы... ты думаешь, что это случилось? — На самом деле, с каждым его словом, с каждый его суровым взглядом, я чувствую, как сердце замирает, отказывается биться. Меня окатывает то антарктическим холодом, то жаром пустыни. Пальцы снова начинают подрагивать, в горле встает ком. Воинственный настрой? Какое там! Его бы ауру выдержать и не сжаться в коробочку.

— Потому что я не думаю, Вероника. Я знаю. Как и то, что ты должна была сделать аборт. Даже уговорила крутую клинику сделать об этом запись, соврать. Зря ты только думаешь, что сможешь шантажировать меня.

— В смысле? — севшим голосом спрашиваю. Этот вопрос вышибает меня из колеи, обнажает все чувства.

Сжимаю пальцы в кулаки до побелевших костяшек. Это все какой-то сюрреализм. Вымысел. Потому что я никогда не собиралась делать аборт и уж тем более кого-то кем-то шантажировать. Отец вообще воспользовался связями, чтобы подделать мои документы. Поэтому

Вероника Версальская просто... исчезла. Появилась Вероника Лаевская, которая закончила свой же университет, только годом раньше. Училась в другой школе, стала на год старше истинного возраста. А еще только так могла иметь сына.

— Ты же не думала, что человек моего положения будет попросту веселиться, не думая о последствиях? — кивок головы, и охранник тут же подает Джафару папку. — Вот, твоя история болезни. Ты забеременела, потом записалась на аборт и, судя по записям, его сделала. После этого я прекратил следить за тобой. Но каким-то чудом мои проверенные источники выяснили, что есть ты, есть поддельные документы и есть ребенок, а моя невеста считает, что он мой.

Меня уже колотит, сознание снова уплывает, но я держу его в руках, вгрызаюсь в реальность. Если скажу хоть слово, потеряю связь с окружающим миром. Но мне нельзя сдаваться. Потому что надежда выкрутиться дребезжит совсем близко.

— И знаешь, что странно, Вероника? Я вижу тебя четко и ясно здесь, перед собой, но твою “документальную” копию я видел несколько часов назад в Москве. Она совсем на тебя не похожа, пусть тоже блондинка с длинными волосами.

— Джафар, это все какой-то бред! — Чувствую, как клокочет в груди. Страх отступает перед желанием опровергнуть клевету. — Я бы никогда не убила своего ребенка! И никогда бы не записалась на аборт! И вообще. Мы столько лет не виделись. Тебе нет оснований полагать, что ребенок от тебя.

— Привези его, сделаем тест ДНК и потом, если это не так, попрощаемся, — холодно говорит Джафар.

— Не понимаю, зачем оно тебе, — пытаюсь выкрутиться, но атмосфера этого номера, атмосфера нашего прошлого, давит, не дает обманывать.

— Я тебе объясню, но только один раз. Кто-то забрал твои документы и выдает себя за тебя. Ты не выдаешь себя за себя, еще и скрываешь ребенка, который, возможно, от меня. Меня мало интересует, что тобой движет. Если ребенок мой, я его заберу. Если нет, тебе нечего бояться.

— А не пошли бы вы, шейх, куда подальше?!

Вскакиваю с места. Плевать на его статус. Но тут же в мою сторону направляется пистолет, а охранник оказывается слишком близко. Кровь мгновенно отливает к ногам, пальцы на руках становятся ледяными, а волосы на шее встают смирно. Невольно выпрямляюсь и задерживаю дыхание.

Джафар смотрит с ленивой улыбкой на меня, потом на охранника и в окно. Лишь через несколько секунд делает короткое движение пальцами, и щелкает затвор предохранителя. Я выдыхаю.

— Если ты сама не приведешь ребенка, я раздобуду его без твоего согласия, Вероника. В твоих интересах сотрудничать... добровольно. Либо приводишь его через час сюда, либо ждешь со мной его появление здесь.

— Достаточно, я сама справлюсь. Только часа все равно недостаточно. В Питере в это время пробки.

— Ты уж постарайся. А для того, чтобы ничто тебе не мешало, Алим поедет с тобой. И да, нам понадобится свидетельство о рождении. Не хочу, чтобы ты меня обманула. А еще будь добра, оставь телефон.

Ничего не отвечаю ему. Охранник тут же подсакивает ко мне. Ладно. Кладу телефон на журнальный столик и иду к двери. Алим позволяет мне выйти и бесшумной тенью выскальзывает за мной. Могу ли я как-то ускользнуть от него? Едва ли. Думай, Вероника, что ты можешь сделать?

Но мы спускаемся вниз, садимся все в тот же черный Кадиллак. Алим выжидающе смотрит на меня: мол, мне нужен адрес. Но английским мужчина владеет плохо, поэтому я сама забиваю адрес наобум, подальше от дома родителей.

Машина останавливается аккуратно возле подъезда, Алим снова идет за мной. Женщина с коляской провожает меня удивленным взглядом, но даже здороваться не рискует. Впрочем, и я даже вежливо кивнуть не в состоянии. В голове такой ураган! Хотя надо казаться максимально естественной. Взломает ли Джафар мой телефон? Вычислит ли координаты родителей?

Надо срочно избавиться от этого мужлана! Но как?

Мысли хаотично шинкуются в мозгу, отменяя все варианты. Моя весовая категория против его? Специально поднимаюсь по лестнице, чтобы утомить мужика, а себе выиграть больше времени. Вряд ли араб привык коляску на шестнадцатый этаж таскать, пока лифты не работают. То-то же! Просто убежать легким кроссом мимо? Толкнуть? Небеса! Что же делать?!

Слышу, как тяжелеет дыхание охранника. Слышу мужской смех за дверью балкона. Дергаюсь туда. Алим за мной. Два тощих мужика потягивают пиво и используют балконную перекладину вместо пепельницы.

— Меня преследует этот маньяк! — успеваю пискнуть, а мужики тут же с интересом смотрят на Алима. Тот делает шаг ко мне, но один из мужчин встает у него на пути.

— Эй, верзила, ты чего? Русскую бабу захотелось?!

Бедных мужчин хватит от силы на пару минут, поэтому я бегу к лифту, молясь о том, чтобы он приехал до того, как Алим освободится. На мое счастье, лифт действительно останавливается на этом этаже, и оттуда выходит та женщина с коляской. Грубо толкаю ее и истерично жму на первый этаж. С балкона раздается ругань, я слышу тяжелые шаги, когда дверь закрывается, и лифт дергается. Только бы Алим не успел нажать кнопку вызова!

С секундным удовлетворением замечаю, что мы находимся на одиннадцатом этаже. И, если моя теория верна, охранник шейха будет спускаться чуть медленнее лифта. Значит, у меня есть пара дополнительных секунд. Это хорошо, что в машине мы были одни. Ой как не предусмотрительно, шейх!

Подбегаю к двери подъезда, слыша грозный рык и тяжелые шаги охранника. Выскакиваю на улицу и пускаюсь вдоль дома. Здесь район новостроек, дорожки узкие, поэтому вокруг Кадиллака с обеих сторон столпились недовольные водители. Еще одна фора. Позади раздаются крики на арабском.

Ноги гудят, дыхание сперло, но я понимаю: если остановлюсь хоть на мгновение, больше не сделаю и шага. В голове долбится «не позволю забрать Рому!», и это придает сил. Сигналы позади становятся громче, как и крики. Слышу лязг железа. Но обернуться боюсь.

Впереди вижу метро и чуть не плачу от счастья. Но путь к нему мне резко перегораживает черный Кадиллак. Алим, с перекошенным от гнева лицом, выскакивает из машины, нацелив на меня пистолет. Я чувствую, как адреналин медленно испаряется из крови, а ноги подкашиваются от усталости. Но я знаю, что мужчина не убьет меня, по крайней мере, не сейчас.

Он подходит ко мне и грубо толкает к машине под заинтересованные взгляды зевак, совсем не скрывая пистолета. Я еле передвигаю ногами, но все же иду к автомобилю и с трудом залезаю внутрь. Мужчина пристегивает меня, фиксирует мои руки стяжкой, оставляя небольшой зазор. Захлопывает дверь. Тут же щелкают замки, пока Алим обходит машину, чтобы занять водительское кресло. Снова щелчок. Хлопок двери. Щелчок.

Створка между водительской частью и салоном закрывается, а я остаюсь закрытой со всех сторон за тонированными окнами.

Ноги гудят нереально. На сердце тяжесть. Теперь у меня нет ни единого шанса сбежать. Волны злости и безысходности накатывают поочередно, но я старательно отгоняю их. Ради сына я еще выпутаюсь. Я должна!

За темным стеклом питерское небо кажется хмурым и унылым, дождь накапывает, навевающая дурацкое желание все-таки сдаться. Руки связаны не плотно, видимо, чтобы не повредить нежную кожу. Игрушка должна быть красивой? Фыркаю.

Водиле кто-то звонит, и он громко болтает на арабском. Судя по его интонации, тема не слишком приятная. Разгорается такой нешуточный спор, что Алим почти орет в трубку.

Отвожу глаза, невольно цепляюсь взглядом за красное пятно. Мы едем в обычном потоке, а красная «Ауди» отчаянно играет в «шашки», перескакивая из ряда в ряд, жестко подрезая других участников движения. Все сигналият, но Алим, увлеченный разговором, кажется, этого не замечает. Один перекресток. Второй. Каждый раз мы пролетаем на зеленый. Водитель Ауди уже бесится, жестко оттормаживая других, но ему никак не пролезть дальше, потому что его ряд начинает тупить.

Как в замедленной съемке я отвлекаюсь от красной машины, поднимаю глаза. Впереди начинает мелькать зеленый сигнал светофора. Распаленный Алим жмет на газ, и машина ревет, срываясь с места. Только и Ауди не тормозит. На пару секунд я теряю ее из виду...

Визг тормозов. Толчок. Ремни впиваются в кожу, но в миг невесомости крепко удерживают на месте. В какой-то момент мир накрывается, я только открываю удивленно рот, то ли для крика, то ли для вдоха, как наш Кадиллак грузно плюхается на левый бок. Меня, сидящую слева, шарахает в сторону, к тому же неприятно ударяет подушкой безопасности. Так и повисаю безвольно, как запутавшаяся в паутине жертва.

Кожа жжется под ремнями. Голова кружится. Кажется, что дверь открывается через вечность. Какие-то руки дергают ремни до упора, и я тихо стону от боли.

— Пассажир жив! — летает в воздухе, вьется, кружится, оседая в мозгу.

— Нужна помощь!

— Звоните в скорую!

— Вытащите... — тихо прошу.

Скрип откуда-то сверху, в салон ныряет поджарое мужское тело в спортивной куртке. Яркий цвет режет глаза. Чужие руки осторожно фиксируются на талии.

— Руки-ноги чувствуете? — спрашивает мужчина. Я слегка двигаю кистями, опасаясь острой боли, но ее нет. — Если будет больно, сразу же говорите, — четко командует спасатель. Отщелкивает ремень, придерживает меня снизу, а его товарищ сверху. — Резкой боли нет? Тогда нужно развернуться головой вверх.

Я с трудом, но выполняю требование. Другой человек тянет меня на себя, помогая.

— Что за ерунда? У нее руки связаны! — тихо присвистывает он. — Эй, нож есть у кого?

Меня как-то спускают вниз, через пару мгновений новые теплые руки касаются заледенелых моих. Вскоре чувствую, как запястья освобождаются, и я невольно потираю их. Свободна?

Оглядываюсь, пытаюсь понять, где нахожусь. Невский. Отель недалеко, но у меня есть шанс!

Отмахиваюсь от людей; кто-то даже хватается меня под руку.

— Вы куда?!

— Вам нужна скорая!

— Со мной все в порядке, водителя спасайте, — бросаю я и подхожу к первому попавшемуся водителю-зеваче. — Мне на Ленинский надо, отвезете?

— Конечно, садитесь.

Хлопает дверь, заводится двигатель. Маленькая старая машина кажется мне намного уютнее огромного пафосного внедорожника. Сжимаю челюсти, чтобы унять дрожь, обнимаю себя руками. Где-то осталась сумка. Плевать! Заберу Ромку и уберусь подальше из этого города!

Останавливаемся у подъезда родителей. Я честно признаюсь в отсутствии денег, но водитель лишь улыбается и отпускает меня.

Выхожу из машину, зорко осматриваюсь по сторонам. Мир стал каким-то трехмерным. Словно в нирване, подхожу к домофону, вжимаю нужные цифры. Поднимаюсь на родной этаж.

— Где Рома? — кричу в удивленное лицо сестры.

— Ник... Что с тобой?! — из-за угла появляется мама, а с ней и сыночек.

— Маленький, иди ко мне! — присаживаюсь на корточки, Ромка, испуганный моей реакцией, подходит ко мне. Обнимаю его со всей силы.

— Ник? — в голосе сестры и мамы неподдельное волнение.

— Надо уезжать! Срочно! Вам всем! На время, — невнятно бормочу, прижимая сына. — Пожалуйста...

— Ты можешь объяснить? — истерично спрашивает мама, хватаясь за сердце.

— Я потом... объясню... Мне нужны деньги. И телефон! Я позвоню, обещаю!

Сестра послушно бежит в комнату и возвращается оттуда с сумкой, телефоном. На ходу пихает туда деньги, а мама одевает Рому. Я надеваю черную куртку сестры.

— Держи, — протягивает мне. Порывисто обнимает меня. Мама чмокает меня в щеку. Беру Ромку за руку и веду его вниз по лестнице.

Моя семья пережила много разного. Бывало, когда мы с сестрами были маленькими, папе приходили угрозы, и мы так же срывались с места. Жили пару недель в глуши, пока все не устаканится. Тогда это воспринималось как приключение, а теперь...

Никто из моих не знает про Джафара. Папа без лишних вопросов сделал мне документы. Кроме сестер, подруг у меня не было, так что улаживать всякие формальности было легко. Разве что Стас... Он все узнал и обещал пожизненно хранить тайну.

— Сынок, ты не против прокатиться на автобусе? — спрашиваю у Ромки, когда мы оказываемся в поезде метро. Я не заметила за нами никакой слежки и теперь немного выдохнула. Вагон на половину пуст, ведь на часах уже время близится к десяти. Так, у нас есть шанс уехать куда-то только с автовокзала, да и без паспортов...

— Хорошо, мамочка, — доверчиво отвечает сын, кладет кудрявую голову мне на колени. Маленький мой! Сердце сжимается, но уверенность крепнет! Не отдам этим варварам!

От метро до автовокзала дорога занимает минут десять. В детстве мне было страшно идти вдоль старых домов, взирающих на меня черными глазами-окнами. А теперь я с радостью прячусь в их зловещих тенях, с опаской поглядывая на дорогу. Но нет. Шины обычных среднечассовых машин тихо шелестят по мокрому асфальту.

На автовокзале людей тоже немного. Стоит только три автобуса, которые, похоже, местные старожилы: вид у них не то, что побитый жизнью. Как будто смерть взяла их и выплюнула обратно.

Натягиваю капюшон. Подхожу к кассе. Скромное расписание вещает, что ближайший автобус едет в Псков и отходит через час с лишним. Твою ж дивизию!

— Два билета, один детский, — сразу говорю с упором. Продавщица, дородная женщина лет пятидесяти, сплевывает жвачку.

— Документы.

Следующие десять минут трачу на то, чтобы убедить продать билеты, то и дело нервно оглядываясь. Кажется, женщина проникается моим волнением, что-то решает в своей голове и сдается. Через минуту я уже держу две хрустящие теплые бумажки.

— А можно в автобусе посидеть? — спрашиваю напоследок. Не хочу маячить на вокзальной скамейке.

— Нельзя, извини, рано еще.

— Мам, кушать хочу, — дергает меня за край куртки Ромка.

— Пойдем, купим что-нибудь в автомате.

Сынишка выбирает чипсы. Я вообще против этой гадости, но сейчас позволяю. Мы садимся на улице в зоне, которая, как мне кажется, не попадает под зону действия камер. Скамейка холодная и мокрая, водители курят, хрипло смеясь. Ромка жует, а я прижимаю его к себе, уткнувшись носом в макушку, которая пахнет детским шампунем. Слегка покачиваюсь, успокаивая то ли его, то ли себя. Последнее, конечно, вероятнее.

Вдруг становится как-то некомфортно, тяжело. Ежусь, сбрасывая ощущение. Но оно не проходит. Отрываюсь от созерцания Роминой макушки, поднимаю глаза и вижу вдалеке фигуру в черном прямом пальто. Ветер теребит черные кудряшки, а глаза, такие же черные, как самый горький шоколад, внимательно изучают... нет, не меня. А свою маленькую копию.

Джафар смотрит на инородно на фоне моего мира. Красивый, статный и завораживающе опасный. Его походка неровная, но уверенная, победоносная. Так ходят только завоеватели, цари мира. Джафар понимает, что он поймал меня. Мне не сбежать.

Миг замирает, сердце пропускает удар, а потом время вдруг пускается вскачь. Шейх идет в нашу сторону. За ним следуют охранники.

Встаю, закрыв Ромку от Джафара. Пусть я буду последним препятствием для их встречи, пусть отвоюю лишнюю минуту нашей прежней жизни, пусть я слаба, но счастье — это не то, что ты отдашь просто так. Это не то, что можно получить силой.

Шейх ровняется со мной, возвышается на голову и жестко смотрит сверху вниз. От него пахнет свежим одеколоном, и сразу не разобрать, что за нотки соединились в его персональном аромате.

— Вот теперь ты точно не сбежишь, — выдыхает Джафар, окутывая меня облачком пара. — У меня есть сын, а я узнаю об этом спустя шесть лет?! — Шейх надвигается на меня, заставляя прикоснуться спиной к грязной стене автовокзала. Ромка невольно отходит чуть в сторону, но все равно жмется сбоку. — Я забираю его. Сегодня же.

— Это мой сын, а не твоя игрушка. И ты не посмеешь к нему прикоснуться!

— Ты понимаешь, кому это говоришь, Вероника? — Черные глаза сверкнули. Джафар подходит вплотную и медленно, будто играючи, заводит мне руки за голову, фиксируя. Обводит пальцами контуры моего лица, останавливаясь на губах. — Смотри, и тебя заберу. Будешь красивым дополнением к моей коллекции. Хочешь?

— Я настаиваю на тесте ДНК, — холодно цежу. Лицо Джафара так близко, что я почти касаюсь губами его губ. Стараюсь урвать собственный глоток воздуха, который уже стал общим между нами.

— Без проблем. Но уже в эмире. Дела ждут. Хасан!

Тут же один из охранников, держащийся чуть поодаль, приближается, хватая меня за руку, чуть отводит в стороны. Его действия сильные, но не грубые.

Шейх садится на корточки перед Ромой, по молчаливому лицу которого текут слезы. Я замечаю, как по лицу Джафара на секунду проходит тень боли.

— Привет, — мягко говорит он по-английски, глядя Роме в глаза.

— Здравствуйте, — неуверенно отвечает он.

— Как тебя зовут?

— Рома. А вас? Почему вы обижаете мою маму?

— Я не обижаю твою маму, Рома. Просто она очень впечатлительна.

— Отстань от него! — требую, пытаюсь вырвать руку, но охранник держит крепко. Шейх медленно встает, жестом подзывает остальных. Улыбается Роме, подходит ко мне. Меня отпускают. Сын подбегает ко мне, прижимается.

— Не глупи, если не хочешь проблем, — шепчет Джафар мне на ухо, а сам по-джентельменски предлагает руку. Я неуверенно беру его под локоть, касаясь холодными пальцами влажной шерсти пальто. Другой рукой крепко держу ладошку Ромы.

Кассирша провожает нас недоуменным взглядом, смех водителей за нашими спинами давно затих. Мы выходим на улицу.

Машина, большой и черный седан, стоит у входа. Позади и спереди него припаркованы внушительные внедорожники, возле которых, скрестив руки на груди, стоят охранники.

— Не глупи, ладно? — снова повторяет Джафар, отпуская руку. Его спокойный тон скрывает столько угрозы, что я задерживаю дыхание и еще крепче сжимаю руку сына.

Безликий телохранитель открывает мне дверь. Обнимаю Ромку и коряво сажусь вместе с ним. Грациозность никогда не была моей сильной стороной, да и сейчас это не важно.

— Ого! — восклицает сынишка и пытается слезть с моих колен, чтобы обследовать дорожный салон автомобиля. — Мам, я такую машину только в кино видел!

— Нравится? — удовлетворенно хмыкает Джафар, усаживаясь рядом. Между нами — расстояние вытянутой руки, но я отодвигаюсь, чтобы быть от него подальше.

— Дядя, мне очень нравится! — простодушно отвечает Ромка. Его настроение быстро меняется. Одергиваю его.

— Тише.

— У твоего сына прекрасное произношение, — холодно замечает Джафар, даже не повернув голову. — Сама учила?

— Да.

— Хорошо.

— Мам, а куда мы едем? — шепотом спрашивает Рома у меня, но, к счастью, по-русски, так что шейх лишь хмурится, не понимая.

— Ну, мы отправляемся в небольшое приключение. Считай, как квест. Помнишь, мы ходили недавно? Так вот. Впереди нас ждут разные испытания, но, обещаю, что я всегда буду рядом. Веришь мне?

— Конечно, мамочка! — сын доверчиво кладет головку мне на грудь, я обнимаю его, укачивая. За окнами мелькает Московский проспект, что говорит о том, что мы едем в аэропорт.

Вытаскиваю из сумки простой мобильник, одной рукой набираю смску маме. «С нами все хорошо, ненадолго уезжаем с Ромой из города. Я на связи». Отправляю, сжимаю телефон в руке. Боюсь даже предположить, насколько это «ненадолго» затянется. Теперь-то Джафар меня точно не отпустит, и на каких правилах я буду существовать в его мире, даже страшно предположить. Но сына я не брошу. Н.И.К.О.Г.Д.А.

Машина наконец тормозит. Ромка сопит у меня на руках. Охранник открывает дверь, выпуская в салон холодный ветер. Осторожно выбираюсь на улицу, стараясь не тревожить сына.

Черничное небо с матовыми тучами выглядит чересчур неприветливо. Ветер остервенело треплет деревья вдалеке. Желтые огни фонарей отражаются на глянцевых белых корпусах самолетов.

Тот, возле которого мы остановились, похож на истребитель. Красивый, с заостренным носом, белый и, как все, что окружает шейха, очевидно дорогой. Дверь его уже распахнута, перед ней — широкая лестница с покрытыми красным ковром ступеньками. Возле стоит высокий молодой мужчина с планшетом.

— Мне не нужна помощь, — обрываю охранника, потянувшего руки к Ромке.

Джафар идет первым, за ним я, а уже позади охранники. С царственным величием шейх преодолевает ступени, но даже со спины видно, как побледнела его шея.

Сажусь в шикарное мягкое кресло напротив шейха, тут же уткнувшегося в иллюминатор. Стюардесса предлагает еду и напитки, но Джафар лишь отмахивается. Зато со злостью смотрит на севшего в соседнее кресло молодого человека с планшетом.

Он чуть дрожащим голосом что-то спрашивает на арабском.

— Халим, сгинь, — цедит на английском Джафар.

— Но, сэр... — чуть смелее противоречит подчиненный, тоже переходя на другой язык. — Это слишком важно. Пора сделать перевязку.

Что случилось? — невольно проносится в голове. Так, не мое дело!

Джафар медленно поворачивает голову, отчего тело Халима начинается мелко дрожать.

— Еще хоть слово, и будешь уволен, — рокошет шейх. Его подчиненный тут же подскакивает, прижав к сердцу планшет и уходит в другой конец самолета. Джафар смотрит на меня.

— Можешь отдохнуть. Нам лететь примерно четыре часа. И отпусти сына. Теперь уже с ним ничего не случится.

В этот момент самолет набирает скоростью и, с легким свистом, отрывается от земли. Снова ощущение невесомости, из-за которого какое-то липкое чувство проходит по коже. Встаю, чтобы положить сына на собственное согретое место, а сама сажусь на соседнее, ближайшее к проходу.

— Кстати, — шейх оборачивается и громко зовет: — Халим!

Подчиненный появляется буквально через мгновение, невольно хватаясь за белую кожу сидений, ведь самолет все еще набирает высоту.

— Принеси сумку.

Через минуту мне на колени ложится моя любимая сумка, которую я уже мысленно похоронила. Открываю. Паспорт в черной кожаной обложке, глянцевого кошелька. Все на месте. Удивленно смотрю на Джафара.

— Ты знал, что я буду здесь?

— Предполагал. Впрочем, избавиться от безделушек нетрудно, а твой отец без труда сделает тебе новые документы. Но раз уж ты здесь, мне не за чем хранить твои вещи.

С языка чуть не срывается привычное «спасибо», но я быстро одергиваю себя. Нет, этот человек не достоин моей благодарности.

— Ясно, — заполняю неловкую паузу и отворачиваюсь к сыну.

За окном глубокая ночь, в салоне играет тихая классическая музыка. Спустя время я немного расслабляюсь и не замечаю, как засыпаю.

Вздрагиваю, когда голова перевешивает и падает на грудь, а у меня ощущение, будто кто-то толкнул. Рука молниеносно тянет к Роме, сама распахиваю глаза. Свет сильно приглушен, из-за чего охранники похожи на каменные изваяния. Сын на месте, тихо дремлет. Шейх напротив тоже спит, только его голова покоится на специальной подушке для путешествий. Вонзить бы нож ему в сердце!.. Но тогда мы с сыном вряд ли выйдем отсюда живыми. Точнее, у него еще есть шанс, а вот у меня — ни одного.

Почему спящие люди не так отталкивают? Хотя даже во сне у Джафара немного напряжено лицо. Вдруг в голове возникает картинка, как я наблюдала за ним семь лет назад, пока он спал. Тогда его сны были намного спокойнее.

Не смотреть бы на него, закрыть глаза, отрешиться. А взгляд так не вовремя скользит вниз, к белой рубашке. И я бы одернула себя, но темное пятно, усиленное полумраком, смотрится инородно на фоне светлой ткани.

Все-таки отворачиваюсь. Уснуть больше не получается. Я просто залипаю в черную бездну за иллюминатором. Не знаю, сколько проходит времени. Снова смотрю на шейха, и — я готова поклясться — пятно увеличилось, а грудь Джафара стала подниматься чаще.

Противоречивые эмоции свербят в сердце, но разум холодными кольями вбивает между нами: если шейх умрет в самолете, я живой отсюда не выйду, ведь его охрана не станет разбираться. Только... разве я могу помочь врагу?!

Глава 7

Секунду ускользают, пятно все увеличивается.

— Помогите! — не выдерживаю и зову, даже не поняв, на каком языке. Но это не важно: свет в салоне тут же включается, к нам подлетают охранники, а за их спинами мельтешит Халим. Мы все видим бледное лицо шейха и багрово-красное пятно на его груди.

Вперед проталкивается симпатичный мужчина лет сорока. Распахивает пиджак Джафара. Но я не успеваю увидеть масштаб катастрофы: теплые руки навязчиво тянут на себя, и я встаю.

— Рома! — тут же восклицаю. Халим огибает меня и, стараясь не тревожить коллегу, осторожно поднимает моего сына. Лицо мужчины заметно напряжено.

— Тяжелый он, — пыхтит Халим и отдает мне ребенка. Сын начинает елозить у меня в руках, просыпаясь. — Пройдемте со мной.

Теперь мы ближе к хвостовой части самолета. Я хотела сесть так, чтобы видеть происходящее, но Халим жестом указывает мне на противоположные сиденья. Не видеть происходящее ужасно нервирует. Сжимаю краешек куртки, тереблю кольцо на пальце.

— Мам? — Ромка дергает меня за рукав. — Когда можно будет покушать? Я очень голодный.

— Сейчас, малыш, — быстро говорю, а сама поворачиваю голову к Халиму, обращаюсь по-английски: — Мой сын хочет есть. Можно что-нибудь организовать, пожалуйста?

— Разумеется! — вежливо отвечает мужчина и вскакивает, на ходу вертя головой, видимо, в поисках стюардессы. Но той нет, поэтому он отправляется лично в хвост самолета. Благодаря его уходу поворачиваюсь, чтобы еще раз посмотреть на возню с шейхом. Только за спинами охранников ничего не видно.

— Мам, — снова дергает меня Ромка. — Мам, я хочу пройтись.

— Пока нельзя. Одному дяде плохо.

— Это потому, что он тебя обидел! — уверенно заявляет сын, вызывая у меня нервную улыбку.

— Он просто болеет.

— Он умрет?

— Нет, надеюсь. Вообще, Ром, никому нельзя желать смерти, как бы сильно этого не хотелось.

Как часто родители говорят своим детям, как поступать правильно, а сами думают об обратном? Я в очередной раз заглядываю в свое сердце и не понимаю, ненавижу ли я Джафара или все-таки нет?

Тем временем все громче раздаются приказы незнакомого голоса на арабском, все чаще охранники снуют туда-сюда то с какими-то лекарствами, то со стойкой для капельниц. Их лица безэмоциональны, а чужой язык не позволяет разобраться в ситуации. Все плохо? Или все лучше?

Халим возвращается, кладет мне на колени две порции упакованной готовой еды, а сам безотрывно смотрит поверх наших голов. Да что же там происходит?

Через несколько минут сверху раздается тот самый властный голос, который до этого командовал. В его тоне чувствуется усталость и облегчение. Халим подскакивает с места, что-то отвечает. Поднимаю голову. Рядом стоит красавчик, которого первого пустили к Джафару. Судя по всему, он врач.

В один момент Халим срывается с места и идет к шейху, а подошедший занимает его место напротив меня. Рома, занятый игрой с салфеткой, его игнорирует.

— Опасность миновала, — на корявом английском говорит мужчина. — Меня зовут Мирза. Я врач.

— Я уже поняла. Я Вероника, — произношу, чувствуя, как на сердце становится легче.

— И вы?.. — многозначительно тянет мужчина, переводит взгляд на мои руки, на Рому.

— И я не настроена на разговор, — пресекаю неуместные рассуждения о моем статусе здесь.

— У вас дрожат руки, — замечает Мирза. — Вам страшно?

— Я не настроена на разговор, — вежливо повторяю и снова принимаюсь тереть кольцо, отворачиваюсь. Краем глаза замечаю, как мужчина только улыбается, обнажив ряд белых зубов.

— Ладно-ладно, — тон Мирзы становится примирительным. — Вы бледная, того и глядишь, упадете в обморок. А я устал, чтобы еще кого-то спасать.

Я ничего не отвечаю. Главное, что опасность миновала, а окажись мы на земле, что делать дальше? Как выбраться? В голове столько вопросов, ни одного ответа. Мирза сидит напротив меня молча: он воткнул наушники и закрыл глаза. С Ромкой тоже все в порядке.

Дальше время принимается медленно течь. Никто меня не трогает, никто не бросает даже лишнего взгляда в нашу сторону, как будто неведомым образом присутствие врача меня защищает от этого. Никаких посторонних звуков, кроме тихой классической мелодии. Смотрю на телефон: мы летим уже три с половиной часа. Осталось немного. Вот только до чего?

Минут через двадцать музыка стихает, и капитан по рации объявляет о приземлении сначала на арабском, потом на английском языках. Погода ясная, плюс двадцать пять градусов тепла. Расстегиваю куртку. Сегодня будет жарко.

За иллюминатор уже виднеется оранжево-желтая полоска рассвета. Самолет накренился, снижаясь, и теперь как на ладони внизу лежит огромный мегаполис с золотыми линиями дорожных фонарей, стеклянными небоскребами и черным бесконечным морем.

Старенький смартфон вибрирует в кармане. Это оператор прислал добродушную смску:

«Добро пожаловать в Объединенные Арабские Эмираты!»

Глава 8

Только когда самолет останавливается возле огромного терминала, люди приходят в движение. Мирза встает, подарив мне дежурную улыбку, и уходит куда-то. Мое сердце колотится, сжимаю плечо Ромы, внимательно слежу за другими. Мне кажется, я сама обзавожусь повадками хищника. Но никто не приближается ко мне, не пытается забрать сына.

Я уже тоже порываюсь подняться, но передо мной возникает Халим.

— Вы сможете покинуть самолет только вместе с его Высочеством. Он так приказал.

Его Высочество? Что за пафос? Мысленно фыркаю.

— Нужна помощь с ребенком? — заполняет, с его точки зрения, неловкую паузу Халим, провожая взглядом часть охранников, что шествуют мимо нас.

— Нет, спасибо.

— Так, вставайте. Его Высочество идет.

— Ром, пора, — шепчу сыну, забираю из его рук телефон, с которым он играл. Мы оба поднимаемся, и я вижу неестественно-бледного Джафара. Он в другом пиджаке, в другой рубашке, выглядит все так же представительно, но в чуть подрагивающих движениях проскальзывает слабость.

Останавливается рядом с нами, говорит с полуулыбкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.